

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080016107-4

«БУХАРА ПОДОБНА АЛЖИРУ»: ОСМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА О ПРОШЕНИИ БУХАРСКОГО ЭМИРА ХАЙДАРА К СУЛТАНУ МАХМУДУ II О ПРИНЯТИИ БУХАРЫ В СОСТАВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2021

А.Д. ВАСИЛЬЕВ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Резюме: *Взаимоотношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. ранее не раз становились объектом изучения. Однако, один любопытный эпизод двусторонних отношений не получил должной оценки исследователей. Речь идет о весьма интересном послании правителя Бухары, мангытского эмира Хайдара (1800–1826) к османскому султану Махмуду II (1808–1839) с просьбой о принятии Бухары в состав Османской империи. История политических и дипломатических контактов Османской империи и бухарских правителей династии Шейбанидов берет свое начало еще в XVI в., когда их основным геополитическим противником был сефевидский Иран. Однако, ранее правители Бухары не обращались к султану с просьбами о покровительстве и вассалитете, действуя зачастую более самостоятельно. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация вокруг Бухары в 1810–1820-х гг. заставила эмира Хайдара искать пути ее решения, одним из которых было получение внешней помощи от государства, считавшегося наиболее могущественным в мусульманском мире. Интересны также мотивы османской политической элиты, обсуждавшей различные аспекты данного дипломатического казуса и проводивших прямое сравнение ситуации с потенциальным вхождением Бухары в состав империи с тем кругом проблем, которые испытывала османская дипломатия вокруг Алжира. Сходство условий вступления Алжира в XVI в. в состав Османской империи и ситуации вокруг Бухары в XIX в. было обусловлено похожими чертами военно-политических угроз, с которыми они столкнулись. Однако в XVI в. Османская империя находилась на пике своего могущества, а Алжир, первым из регионов Магриба принявший политическое покровительство Османской империи, являлся важным форпостом на Средиземном море для дальнейшей борьбы с Габсбургами в Испании. Для Османской империи, вступившей в XIX в. в период упадка, Бухара была малоизвестным регионом мира, присоединение которого несло значительные риски. В данной статье автор предпримет попытку рассмотреть этот эпизод, мотивы и цели сторон более детально.*

Ключевые слова: Бухара, эмир Хайдар, Османская империя, Махмуд II, Алжир, колониальная политика.

Для цитирования: Васильев А.Д. «Бухара подобна Алжиру»: османская политическая элита о прошении бухарского эмира Хайдара к султану Махмуду II о принятии Бухары в состав Османской империи. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 83–94. DOI: 10.31857/S086919080016107-4

“BUKHARA IS LIKE ALGERIA”: THE OTTOMAN POLITICAL ELITE ON THE PETITION OF THE BUKHARA EMIR KHAIDAR TO SULTAN MAHMUD II TO ACCEPT BUKHARA INTO THE OTTOMAN EMPIRE

©2021

Alexander D. VASILYEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Abstract: *Relations between the Bukhara Emirate and the Ottoman Empire in the 19th century previously became the object of study more than once. However, one curious episode of bilateral relations has not received the proper assessment of the researchers. We are talking about a very interesting message from the ruler of Bukhara, Mangyt Emir Khaidar (1800–1826) to the Ottoman Sultan Mahmud II (1808–1839) with a request to accept Bukhara into the Ottoman Empire. Difficult internal and external political situation around Bukhara in the 1810s–1820s forced Emir Khaidar to look for the ways to solve it, and one of these ways was to receive external assistance from the state, which was considered the most powerful in the Muslim world. The motives of the Ottoman political elite, who discussed various aspects of this diplomatic incident and made a direct comparison of the situation with the potential entry of Bukhara into the empire with the range of problems that the Ottoman diplomacy experienced around Algeria, are also interesting. The similarity of the conditions for the entry of Algeria in the 16th century into the Ottoman Empire and the situation around Bukhara in the 19th century was due to the similarity of the military-political threats they faced. However, Bukhara was a little-known region of the world, and its annexation carried many significant risks. In this article, the author will attempt to consider this episode, the motives and goals of the parties in more detail.*

Keywords: Bukhara, emir Khaidar, Ottoman Empire, Mahmud II, Algeria, colonial policy.

For citation: Vasilyev A.D. “Bukhara is Like Algeria”: The Ottoman Political Elite on the Petition of the Bukhara Emir Khaidar to Sultan Mahmud II to Accept Bukhara into the Ottoman Empire. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 83–94. DOI: 10.31857/S086919080016107-4

Политические и дипломатические связи Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. не раз привлекали внимание исследователей [Saray, 1994; 2003; Andican, 2003]. Тем не менее, один любопытный эпизод двусторонних отношений ускользнул от их пристального, иногда даже пристрастного взгляда. В данной статье будет рассмотрено весьма любопытное послание правителя Бухары, мангытского эмира Хайдара (1800–1826) к османскому султану Махмуду II (1808–1839) с просьбой о принятии Бухары в состав Османской империи и его оценка османской политической и религиозной элитами. Прежде чем перейти к описанию самой просьбы и ее обсуждения при султанском дворе, необходимо привести краткий обзор османско-бухарских отношений первой четверти XIX в.

По-видимому, Хайдар (1775–1826) знал о политико-дипломатических контактах своего отца Шахмурада с османским султаном Абдулхамидом I (1774–1789) в канун русско-турецкой войны 1787–1791 гг. [Ряжев, 2020; Васильев, 2014]. Вскоре после прихода к власти в 1800 г. новый представитель мангытской династии эмир Хайдар решил возобновить связи с Турцией. Начало XIX в. ознаменовалось активизацией бухарско-османских связей: посольства от эмира Хайдара прибывали в османскую столицу в 1801, 1803, 1804, 1810, 1815, 1816, 1819 и 1820 гг. Практически все посланники прибывали в Османскую империю через территорию России, зачастую пользуясь содействием российских властей. Использовались и альтерна-

тивные маршруты: в 1820 г. облеченные посольскими полномочиями бухарцы добирались до османской территории через Иран, а в 1816 и 1819 г. – через Персидский залив и Багдад. Свое нахождение в России посланники Хайдара использовали для разрешения проблем, возникавших в русско-бухарских торговых отношениях; также они вели довольно активную торговлю ценными товарами, закупая важное сырье для Бухары. Зачастую весьма непродолжительные паузы между прибытием бухарских посланников объяснялись тем, что важная дипломатическая задача могла поручаться двум доверенным лицам, чтобы надежно доставить монаршее послание адресату. Дорога от Бухары до Стамбула была полна опасностей и трудностей, и дублирование дипломатического поручения было вполне осознанной мерой. Частота посольств и обсуждавшиеся турецкими и бухарскими дипломатами вопросы свидетельствуют о том важном значении, которое эмир Хайдар придавал связям с султаном-халифом. Для понимания сути необычной просьбы Хайдара об османском подданстве необходимо кратко рассмотреть содержание предыдущих бухарско-османских дипломатических связей.

Первое посольство Хайдара в Стамбул в 1801 г. имело целью, по всей видимости, установление дипломатических отношений. Бухарский посланник доставил в Стамбул письмо эмира к султану Селиму III. Оригинал письма не сохранился, но приведенное турецкими дипломатическими чиновниками краткое резюме письма весьма отчетливо характеризует политические амбиции эмира Хайдара, стремившегося объединить под своей властью все независимые государственные образования в Центральной Азии. В письме к султану Хайдар извещал султана о том, что он взошел на престол, и гордо называл себя «владыкой Турана». Вместе с тем, в турецком переводе бухарского письма содержится весьма любопытная для мусульманского дипломатического протокола фраза о преданности султану и готовности распространить его господство на весь «Туран» [*Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım hanlıkları*, 1992, р. 21]. Вполне вероятно, что в этом недосказанном намеке Хайдара была своего рода дипломатическая уловка, смысл которой заключался в получении морально-политической поддержки султана в преддверии борьбы за объединение региона под знаменем Бухары. Какого-либо официального ответа на это письмо не последовало, а посланник после выполнения своей дипломатической миссии отправился в паломничество в Мекку.

В 1803 и 1804 гг. ко двору султана Селима III прибыли два бухарских посольства. Их можно считать объединенной политической миссией эмира Хайдара к Селиму. Из российских архивных материалов становится известно, что бухарское посольство в Стамбул во главе с Ишмухаммедом Байкишиевым должно было проследовать еще в 1802 г. через Россию в Стамбул. На степном отрезке пути от Бухары до российской границы торговый караван, с которым перемещалось посольство, был разграблен кочевниками, были украдены и подарки Хайдара султану Селиму [АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 3]. Истории с ограблением бухарского торгового каравана, при котором следовало посольство во главе с Ишмухаммедом Байкишиевым в 1802 г. недалеко от Троицка, посвящена отдельная статья [Зайцев, 2008, с. 16–17]. Опубликованный И.В. Зайцевым документ может ставить под сомнение кражу подарков султану Селиму. Как следует из документа, караван-баши вовремя послал за помощью к коменданту Троицкой крепости, гарнизон которой защитил караван от полного разграбления. В этой связи необходимо отметить некоторое противоречие информации из опубликованного И.В. Зайцевым источника содержанию документов из АВПРИ и турецких архивов, в которых версия с ограблением и утерей подарков получила дальнейшее развитие. Вполне вероятно, что история с нападением на караван могла быть использована посланником в личных или дипломатических целях.

Будучи в Стамбуле, И. Байкишиев провел переговоры с османскими чиновниками без вручения подарков, в то же время сам султанские подарки для Хайдара получил [BOA, NAT, dosya 175, belge 7616]. Из османских документов видно, что основной целью бухарской миссии 1804 г. было соблюдение дипломатического этикета и доставка ответных подарков

султану [BOA, НАТ, dosya 170, belge 7280]. Важной частью миссии 1803 г. стало разъяснение бухарским послом И. Байкишиевым политических реалий центральноазиатского региона при султанском дворе. Посол просил султана признать за эмиром Хайдаром титул «Падишах Турана и Туркестана», обосновывая это тем, что эмиру в условиях внутренней нестабильности и соседства с такими мощными государствами, как Россия, необходимо поддерживать свой политический авторитет и высокий статус. «Российский вопрос» возник в ходе переговоров с турками в связи с восшествием на русский престол императора Александра I и предложением Хайдара о расширении российско-бухарских торговых связей [АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 198–201]. Байкишиев также упоминал о родословной Хайдара, которая придавала ему легитимность в глазах местного населения и как представителю Чингизидов, и как потомку пророка Мухаммеда (правда, по женской линии) [Кюгельген, 2004, с. 348–351]. Хотя османская политическая элита отказала в подобном требовании, опасаясь негативной реакции России [BOA, НАТ, dosya 175, belge 7616], повторная отправка подарков эмиром Хайдаром могла свидетельствовать о том, что эмир не оставлял надежд на успех своих просьб и воспринимал ситуацию иначе, чем стамбульские власти.

По-видимому, в Бухаре были неплохо осведомлены о положении дел в Стамбуле, поскольку вскоре после восшествия на престол султана Махмуда II (1808), эмир Хайдар отправил новую миссию в Стамбул. Очередной бухарский посол прибыл в османскую столицу в 1810 г. и имел своей целью, поздравив нового султана, установить с ним дипломатические отношения и выяснить его взгляды на отношения с Бухарой [BOA, НАТ, dosya 1417, gömlek 57968].

Два посольства 1815 и 1816 гг., по всей видимости, также дублировали друг друга. На основании османских архивных документов можно сделать вывод, что это была объединенная общими целями дипломатическая миссия, в ходе которой прибывший в османскую столицу первым бухарский посланник добирался до османской столицы южным маршрутом – через Индию, Басру и Багдад [BOA, НАТ, dosya 1274, gömlek 49436]¹. Более высокопоставленный посол, в задачу которого входили наиболее важные переговоры, добирался до Стамбула через Санкт-Петербург, где ему также было предписано поздравить российского императора с победой над Наполеоном [BOA, НАТ, dosya 961, gömlek 41191; также см.: Халфин, 1984, с. 101]. По-видимому, основной задачей посольства при дворе султана было получение султанского фирмана, который подтверждал бы права Хайдара на Фергану, Дешт-и Кыпчак, Хорезм, Мерв, Дугляб, Балх и Бадахшан [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]. Подобная просьба появилась в канун неудачной для Бухары войны с Кокандским ханством, которому в 1815 г. удалось захватить города Ташкент и Туркестан [История народов Узбекистана, 1947, с. 164; Иванов, 1958, с. 134–137], а также борьбы с хивинским Алла-кули ханом за контроль над узбекско-туркменским фронтиром [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]². По всей видимости, дипломатическая поддержка султана была крайне важна, учитывая недостаток военных сил в распоряжении эмира Хайдара. Кроме того, Хайдар, известный как авторитетный бухарский богослов и знаток Корана, просил прислать ему обширный список религиозной литературы из Османской империи [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]. Ответ османской бюрократии на первую просьбу был отрицательным, а мотивировочная часть была аналогична приведенным в 1803 г. доводам. Однако большой объем религиозной литературы все же был направлен через территорию Ирана [BOA, Name-i Hümayün, defter 10, p. 288].

Османские документы позволяют очертить те вопросы, которые затрагивались посланниками эмира при дворе султана. На первый план выходило получение дополнительной политико-правовой поддержки от султана в притязаниях Хайдара на власть. Инвеститура султана-халифа в глазах Хайдара была важным инструментом политического давления на

¹ Он прибыл, вероятно, в конце ноября – начале декабря 1815 г.

² В своем письме Хайдар открыто писал, что Хива и Фергана, бывшие его «мюльком», вышли из подчинения.

своих врагов или же повышения собственного престижа в отношениях с Россией. Просьбы об этом совпадают по времени с периодами ожесточенной борьбы Хайдара со своими соседями.

Организация бухарской дипломатической миссии 1819–1820 гг. была аналогична предыдущим бухарским посольствам. С небольшим перерывом на территорию Османской империи прибыли два бухарских представителя, первый из которых, Хаджи Мехмед Шериф, по всей видимости, был облечен полномочиями вести переговоры. Хаджи Мехмед Шериф прибыл ко двору османского султана осенью 1820 г., а второй посланник, Мухаммед Фазыл, – вероятно чуть позже³. Мухаммед Фазыл, узнав о прибытии другого бухарского посольства, ограничился передачей султанской администрации письма (не сохранилось, есть только упоминание [BOA, NAT, dosya 782, gömlek 36608]⁴) от эмира Хайдара, и после его вручения отправился в хадж. Однако просьбы бухарской посольской миссии 1819–1820 гг. были выдержаны в иной политической тональности, нежели имевшие место ранее завуалированные намеки и длительные разъяснительные беседы об источниках легитимности власти правителя в Центральной Азии. Фактически это была просьба о вхождении Бухары в состав Османской империи, которая вызвала замешательство османской политической элиты. О содержании беседы с послом эмира Хайдара мы знаем из пространной докладной записки великого визиря Ыспарталы Сеид Али-паши на имя султана Махмуда II. Излагая просьбу бухарского правителя о распространении османской власти на Бухарский эмират, Великий визирь весьма осторожно подошел к просьбе Хайдара. В своей докладной записке о прошении эмира он отмечал, что Бухара находится слишком далеко и у нее нет общей границы с Османской империей, эмират находится во враждебных отношениях со своими соседями, а о русско-бухарских отношениях достоверных известий нет. Визирь предлагал по этому поводу созвать особое совещание должностных лиц Османской империи. Вероятно, именно его сомнения предопределили вынесение последующего отрицательного решения. Кроме просьбы о принятии Бухары в состав Османской империи, Хайдар также просил у султана еще одну партию книг религиозного содержания [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36552]. Послание от эмира Хайдара с запросом об османском протекторате совпало со временем ожесточенной борьбы Бухары со своими соседями. По всей видимости, эмир отчаялся одолеть своих политических противников, опираясь лишь на собственные силы.

Созыв подобного «особого совещания» являлся для османских чиновников того времени хорошо известной, идущей со времен султана Сулеймана Кануни практикой обсуждения актуальных проблем. В османской традиции государственного строительства подобные собрания назывались *мешверет* и касались в основном политических и дипломатических вопросов, а иногда – экономики и внутренней политики [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 144–145].

В результате созванного визирем совещания было составлено резюме с предлагаемым решением этой проблемы для султана, в котором обозначался круг участников, их доводы «за» и «против» и рекомендации [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36551]. В связи с тем, что документ ранее публиковался [*История Центральной Азии в османских документах*, 2011, с. 64–67; Saray, 1994, р. 35–37]⁵, вероятно, не имеет смысла пересказывать его и приводить его содержание полностью. Однако, действующие лица и их доводы заслуживают более пристального рассмотрения.

Участники данного «консультативного совета» состояли из числа наиболее авторитетных османских улемов из фетвахане под руководством румелийского и анатолийского

³ Точные даты приезда и отъезда посла и посланника не известны. Все документы в Османском архиве, связанные с миссией, датированы 7 октября 1820 г.

⁴ Поскольку содержание письма также не известно, можно предположить, что оно могло либо иметь характер рекомендательного, а не политико-дипломатического; либо же посланник должен был передать наиболее важную информацию изустно.

⁵ Впервые данный документ был опубликован на турецком языке М. Сараем [Saray, 1994, р. 35–37].

казиаскеров, высокопоставленного османского чиновника Тахсина-эфенди и управляющего инспекцией продовольственных поставок⁶.

По всей видимости, Тахсин Хасан-эфенди в начале XIX в. занимал при султанском дворе должности казначея, руководил аппаратом султанского дворца, и заведовал подготовкой финансовых документов. С 1819 по 1823 г. Тахсин-эфенди занимал в аппарате султана должность *нишанджи* [Süreyya, 1996, p. 1619–1620]⁷. Круг обязанностей нишанджи в 10-е гг. XIX в. включал в себя подготовку официальных документов, выпускавшихся от имени султана, контроль за распределением земельных наделов, а также переводы посланий иностранных монархов к султану.

Инспекция продовольственных поставок была создана в конце XVIII в. султаном Селимом III как один из элементов логистической поддержки реформированного военно-политического аппарата империи. Инспекция занималась закупками продовольствия и снабжением столицы империи – Стамбула, армии и дворца. Руководитель инспекции входил в круг высокопоставленных османских чиновников [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 424, 433]. Вероятно, что участие оставшегося неизвестным нам управляющего инспекцией продовольственных поставок в заседании «консультативного совета» о принятии Бухары в османское подданство было продиктовано как раз транспортно-логистическим характером возглавляемого им учреждения.

Фетвахане в указанный период представляло собой центральный бюрократический аппарат шейхульислама⁸, служащие которого занимались различными административными, образовательными и религиозными вопросами, предоставляя шейхульисламу проекты готовых религиозно-правовых заключений по широкому спектру внутри- и внешнеполитических проблем, требовавших согласованных с шариатом решений [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 210–211].

Из документа следует, что участники совещания приводили аргументы как в пользу удовлетворения просьбы эмира Хайдара, так и против. К сожалению, в документе не сказано, кто именно из участников совещания высказывал те или иные соображения «за» или «против», и каких взглядов придерживались участники совещания. Вероятно, отношение великого визиря, подходившего к просьбе эмира Хайдара более чем осторожно, предопределило итог обсуждения участников высокого совещания.

Тем не менее, первоначально османские чиновники выдвинули тезис о том, что принятие Бухары в состав Османской империи повысит международный престиж и авторитет султана. Однако, это оказался практически единственный довод в пользу удовлетворения просьбы эмира Хайдара. Далее участники совещания перешли к обсуждению геополитической составляющей просьбы. Географическая удаленность и труднодоступность Бухары были бесспорным фактами, влиявшими на принятие политических решений османской бюрократической элитой. Участники совещания отметили, что у стран нет общей границы, что ставит под сомнение возможность включения эмирата в состав империи. Отдельно в документе упоминается тот факт, что связь с Бухарой осуществлялась по территории Индии, Ирана или России. Это обстоятельство, хотя и не являлось по мнению османских чиновников непреодолимым, но все же делало поддержание транспортно-логистической связности территорий трудновыполнимым.

Особо рассматривались военно-политические аспекты возможного включения Бухары в состав Османской империи. Так, османские чиновники пытались смоделировать ситуацию, которая может сложиться в русско-бухарском пограничье в случае русско-турецкой войны.

⁶ Личность министра государственных запасов установить не удалось.

⁷ Тахсин Хасан Эфенди, судя по его краткой биографии, был близок к суфиям братства накшбандия в Османской империи.

⁸ В период обсуждения просьбы бухарского эмира на должности шейхульислама находился Черкес Халил Эфенди. О нем см.: [Uzundal, 2018, p. 178–196].

В случае подобного конфликта очевидным для турецких чиновников выглядело обращение эмира Хайдара за помощью к султану. Означенные выше географические факторы ставили бы Османскую империю в трудное положение, а поражение Бухары становилось бы более реальным. Участники совещания также отмечали, что существенным фактором, затруднявшим принятие решений, была полная неосведомленность османской бюрократии о происходящем в Бухаре и отсутствие объективной информации о военно-политическом положении эмирата.

В тесной увязке с военно-политическим фактором обсуждался и религиозно-политический аспект просьбы эмира. Османские улемы отмечали, что, будучи суннитским государством, Бухарский эмират может вступать в религиозные конфликты с Ираном или Индией (так в документе). В таком случае также вероятно обращение эмира к своему сюзерену за помощью.

Участники собрания высказали убежденность в том, что эмир может быть надежным вассалом султана и исполнит любой его приказ. Однако удаленность Бухары, неосведомленность относительно ее внутренней и внешней политики создавали стратегическую неопределенность в управлении подобной территорией. Столь удаленный от вектора основных османских геополитических интересов и устремлений регион, будучи принятым в состав империи, стал бы плохо контролируемой территорией, фактически неуправляемой из Стамбула. В этой связи участники собрания отмечали, что слабый контроль султана за происходящим и рвение эмира выполнить султанскую волю принесут империи больше проблем, чем пользы.

Интересно, что при обсуждении письма бухарского эмира Хайдара османские чиновники проводили прямую аналогию с ситуацией вокруг другого региона мусульманского мира, входившего в состав Османской империи, но находившегося на удалении от имперского центра и пользовавшегося значительной внутренней и внешней автономией – Алжира.

Алжир вошел в сферу османских внешнеполитических интересов в начале XVI в., когда местные жители, обеспокоенные экспансией испанцев на севере Африки, обратились за помощью к известному североафриканскому корсару Орудж Реису. Орудж Реис дал отпор испанцам и укрепился на побережье Алжира. Впоследствии его младший брат и преемник, Хайреддин Хызыр Барбаросса, укрепил свое влияние на севере Африки, получив от османского султана Селима I политическую поддержку и военную помощь в виде янычар и артиллерии [Türkler, 2002, p. 397]. В XVI–XVIII вв. порт Алжира активно использовали в качестве базы средиземноморские корсары (как европейские, так и ориентированные на Турцию). Алжир вошел в сферу османских геополитических интересов раньше, чем другие страны Магриба. В период наивысшего могущества Османской империи он представлял стратегический интерес как один из передовых пунктов базирования османского флота в борьбе за господство на Средиземном море, а также как перевалочный пункт эвакуации исповедовавшего иудаизм и ислам населения Испании [Türkler, 2002, p. 394–408]. Стратегическое значение Алжира лишь усилилось после неудачных попыток Габсбургов овладеть им [Türkler, 2002, p. 539]. Первоначально система управления Алжиром была выстроена османской бюрократией подобно другим вошедшим в состав империи провинциям с мусульманским населением. Во главе стоял бейлербей, который управлял регионом от имени султана. Провинция была поделена на уезды, в которых у власти сохранялась прежняя, доосманская мусульманская элита [Türkler, 2002, p. 582–583]. Алжир входил в состав эялета, объединявшего находившиеся под османской властью острова Эгейского моря, но в впоследствии был выделен в самостоятельную административную единицу. Верховная власть принадлежала османским бейлербейам, опиравшимся на присылаемых из столицы янычар. В XVI–XVII вв. друг друга сменяли периоды, когда регионом управляли присылаемые из Стамбула бейлербеи (1518–1587), паши (1587–1659), аги (1659–1671). Во второй половине XVII в. власть начинает сосредотачиваться в руках избираемого советом (диваном) пиратских капитанов и янычар правителя – дея, который управлял страной с помощью

состоявшего из пяти визирей Малого дивана. Одновременно с переходом Османской империи к стратегической обороне в XVIII в. интерес к Алжиру постепенно теряется. Избранные дей получали утверждение султана и считались его вассалами, хотя в действительности проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику, самостоятельно заключая договоры с европейскими державами [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 13–14]. Первоначально данное государственное образованное управлялось включенными в османскую официальную властную иерархию бейлербеями, присылавшимися турецким султаном пашами, последний из которых, однако, был изгнан из Алжира в 1711 г. К началу XIX в. связь Алжира с Османской империей существенно ослабла. Первая Берберийская война существенно ослабила османские протектораты в Северной Африке. Кроме того, в ходе Венского конгресса 1815 г. европейские державы заявили о намерении решительно бороться с пиратством. В результате второй берберийской войны и последовавшей бомбардировки Алжира англо-голландским флотом в 1816 г. алжирский флот был уничтожен, а сам дей был вынужден подписать мирное соглашение с Англией и Голландией. Незадолго до прибытия бухарского посланника в 1818 г. в Алжире обострилась внутривластная борьба, после смерти дей Омер паши. Новый дей Мекрили Али был свергнут, а на его место взшел последний дей Алжира, Хусейн [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 130–133]. Султан был поставлен в известность о произошедшем, а Хусейну постфактум был присвоен чин бейлербея [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 134–135]. Вплоть до французской оккупации Алжира в 1830 г. в Османской империи регулярно вербовались добровольцы для пополнения турецких по своему этническому составу янычарских воинских формирований. Предпочтение отдавалось знакомым с мореходством выходцам из приморских провинций Западной и Юго-Западной Анатолии – Измира, Айдына, Манисы, Муглы [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 106–109, 126–129]. Представители этих контингентов были важной политической опорой алжирских правителей, поскольку не зависели от сложных клиентских связей с местными элитами и способствовали укреплению политической власти дейев. Заинтересованность дейев в поступлении данных подкреплений объясняла сохранение формальных связей с Турцией [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 12].

Несмотря на то, что дей в 1816 г. официально воспретил корсарство и отменил рабство христиан, французская пресса продолжала активную кампанию против Алжира на страницах газет [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 23]. Основы политического курса на присоединение Алжира к Франции заложил еще император Наполеон. Критика французскими газетами правительства дей и упреки в адрес султана в связи с тем, что империя не может контролировать своего вассала могла восприниматься османской вестернизированной элитой весьма болезненно, поскольку для администрации султана Махмуда II Франция и французский исторический опыт оставались источником вдохновения при модернизации османского общества.

В силу указанных обстоятельств неслучайно то, что опыт дипломатического противостояния с Францией был перенесен османскими чиновниками на просьбу эмира Хайдара. В XIX в. Алжир, некогда бывший форпостом османской экспансии на западе, превратился в плохо контролируемый из Стамбула, фактически самостоятельный регион, бывший источником постоянных дипломатических претензий со стороны европейских держав. По сравнению с Бухарой у алжирских правителей была возможность поддерживать прямое морское транспортное сообщение со Стамбулом с помощью многочисленного флота. Однако перспектива получить в качестве протектората Бухару – удаленный, слабоизученный регион, во главе с плохо контролируемым правителем, с возможными территориальными конфликтами с сильными соседями (а в документе в качестве таковых упоминаются Россия, Иран и Индия) совсем не прельщала османских чиновников. Вероятно, при рассмотрении данной ситуации необходимо принимать во внимание и роль идеологического контекста, в котором действовало

турецкое руководство. После прихода к власти султана Махмуда II (1808–1839) турецкое правительство, вдохновленное идеями Великой французской революции, начинает достаточно активно проводить серию реформ. Накануне запланированных масштабных преобразований империи сохранение территориальной целостности и обеспечение невмешательства европейских держав в дела империи было приоритетным. Попытки же выступления в качестве самостоятельного игрока в Азии, не подкрепленные соответствующими военными и экономическими возможностями, рассматривались османской бюрократией как лишний повод для вмешательства европейцев и критики со стороны европейских посланников в Стамбуле.

Османские официальные лица оказались перед дилеммой: необходимо было дать дружественный мягкий отказ эмиру, не уронив в то же время достоинства султана и престижа Османской империи. В данной ситуации они воспользовались традиционным, отчасти схоластическим подходом к данной проблеме. Улемы решили рассмотреть личность бухарского эмира как мусульманина, уже априори связанного духовными узами с халифом и подчиненного его морально-идеологическому авторитету.

Вопрос о том, кто может претендовать на роль халифа как духовно-политического главы всемирной мусульманской общины интересовал исследователей не раз [Бартольд, 1966а, с. 15–78; 1966б, с. 400–402; Shukla, 1973; Özmi, 1977, р. 33–53]. Еще больше споров этот вопрос вызывал среди самой мусульманской уммы. Достаточно распространенной была такая точка зрения, что халифом может быть член племени курейшитов либо прямой потомок Мухаммада. Однако, начиная еще с XVI в., османские улемы, обосновывавшие претензии султанов на политическое лидерство в тогдашнем мусульманском мире, решили данный вопрос в соответствии с практическим положением вещей в мусульманском мире. По их мнению, халифом мог называться тот мусульманский правитель, который обладал наибольшим военно-политическим могуществом [Gibb, 1962, р. 287–295]. Подобный взгляд на вещи османские улемы сохранили и в XIX в., весьма расширительно трактуя к тому же положения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, впервые в европейской международной правовой практике признававшего за султаном весьма ограниченное право покровительства мусульманам Крыма, которое закончилось с присоединением Крымского ханства к России.

Тем не менее, участникам совещания было необходимо сохранить лицо перед бухарским послом, чтобы не дать повода считать империю слишком слабой. Чтобы выработать подобающий вариант ответа и предоставить его на рассмотрение султану, участники совещания решили рассмотреть просьбу эмира Хайдара с точки зрения вопроса о роли халифа для мусульманских правителей. По всей видимости, это было поручено улемам из фетвахане, либо же это была их инициатива.

Именно то обстоятельство, что эмир, будучи правоверным мусульманином, является связанным духовными, религиозными узами с султаном как халифом и подчиняется его решениям, и послужило формальным предлогом для отказа просьбе о приеме в подданство. В ответном письме улемы, с одной стороны весьма обтекаемо упомянули о том, что бухарский эмир как мусульманин и ранее уважал авторитет халифа. С другой стороны, они указали, что эмир сам назначал наместников и своих преемников. От имени султана османские улемы рекомендовали ему править в соответствии с существующей традицией, зафиксировав благоприятное отношение Османской империи к эмирату [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36551].

Одновременно шейхульислам указал составить фетву такого характера, что, несмотря на желание эмира Хайдара принять османское подданство, это невозможно ввиду отдаленности Бухары от Османской империи [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36581–A]. Примечательно, что фетва, в отличие от письма, содержала реальный мотив отказа – дальность расстояния. И если письмо султана было адресовано лично эмиру, то фетва, по всей видимости, была ориентирована больше на османское общественное мнение.

Учитывая слабость Хайдара и последующие события – мианкальское восстание кытай-кыпчаков 1821–1825 гг. [Иванов, 1937] – эмир более не обращался с политическими запросами к Порте, обращаясь к султану лишь за содействием в пополнении собраний богословской литературы в Бухаре.

Османский опыт сравнения Бухары и Алжира интересен с точки зрения того как султанская бюрократия в начале XIX в. пыталась рассматривать системы управления имперских окраин. Ход обсуждений просьбы эмира Хайдара свидетельствует о том что, по сравнению с широко распространенной в XVI в. системой косвенного управления удаленными от Стамбула новыми территориями, на первый план выходили поддержание логистической связанности регионов империи и возможность прямого управления бывшими вассалами и полунезависимыми губернаторами на местах. К этому османскую бюрократию подталкивал исторический опыт, полученный в ходе наполеоновских войн и подавления восстания ваххабитов [Муджани, 2020]. Интересно, что российские военные востоковеды, впоследствии принимавшие участие в «Туркестанских походах», также весьма активно интересовались французским колониальным опытом управления в Алжире и частично в Тунисе [Васильев, 2014(2), с. 279–300]. В этой связи османский опыт рассмотрения двух удаленных окраин и сравнения особенностей государственного строительства систем протекторатов представляется весьма примечательным и требующим дальнейшего рассмотрения.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив при премьер-министре Турецкой Республики) [*BOA* – Prime Ministry Ottoman Archive]

HAT – Hatt-i Hümayün.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 3.

АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 198–201.

Бартольд В.В. Халиф и султан. *Сочинения*. Т. VI. М.: ИВЛ, 1966. С. 15–78 [Bartold V.V. Caliph and Sultan. *Selected Works*. Vol. VI. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1966. Pp. 15–78 (in Russian)].

Бартольд В.В. Панисламизм. *Сочинения*. Т. VI. М.: ИВЛ, 1966, С. 400–402 [Bartold V.V. Pan-Islamism. *Selected Works*. Vol. VI. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1966. Pp. 400–402 (in Russian)].

Васильев А.Д. *Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI–начало XX вв.)*. М.: Пробел-2000, 2014 [Vasiliev A.D. *Banner and Sword from the Padishah. Political and Cultural Contacts of the Khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (Mid-16th – Early 20th Centuries)*. Moscow, Probel-2000, 2014 (in Russian)].

Васильев А.Д. Взаимоотношения с туземцами-мусульманами русской администрации в Туркестане и французской в Алжире. *Французский ежегодник 2014*. Том. 2. Франция и Восток. М., 2014. с. 279–300 [Vasiliev A.D. Relations with Muslim Natives of the Russian Administration in Turkestan and the French in Algeria. *French Yearbook 2014*. Vol. 2. France and the Orient. Moscow, 2014. Pp. 279–300 (in Russian)].

Зайцев И.В. Троицкий инцидент 1802 г. Эпизод из деятельности бухарской миссии в России. *Восточный Архив*. 2008. № 17. С. 16–17 [Zaitsev I.V. Troitsky Incident of 1802. An Episode from the Activities of the Bukhara Mission in Russia. *Oriental Archive*. 2008. No. 17. Pp. 16–17 (in Russian)].

Иванов П.П. *Восстание кытай-кыпчаков в Бухарском ханстве. 1821–1825 гг. Источники и опыт их исследования*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 [Ivanov P.P. *The Uprising of the Khitay Kipchaks in the*

Bukhara Khanate. 1821–1825. Sources and Experience of their Research. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1937 (in Russian)].

Иванов П.П. *Очерки по истории Средней Азии.* М.: ИВЛ, 1958 [Ivanov P.P. *Essays on the History of Central Asia.* Moscow: IVL, 1958 (in Russian)].

История Алжира в новое и новейшее время. Под ред. А.М. Васильева. М: ГРВЛ, 1992 [*History of Algeria in Modern and Recent Times.* Ed. A.M. Vasilyev. Moscow: GRVL, 1992 (in Russian)].

История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1947 [*History of the Peoples of Uzbekistan.* Vol. 2. From the Formation of the Sheibanid State to the Great October Socialist Revolution. Tashkent: Izdatelstvo AN UzSSR, 1947 (in Russian)].

История Османского государства, общества и цивилизации. Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. М.: Вост. лит., 2006 [*History of the Ottoman State, Society and Civilization.* Ed. E. Ihsanoglu. Vol. 1. Moscow: Vost. Lit., 2006 (in Russian)].

История Центральной Азии в османских документах. Т. 1. Политические и дипломатические отношения. Самарканд: МИЦАИ, ТОА, 2011 [*History of Central Asia in Ottoman Documents.* Vol. 1. Political and Diplomatic Relations. Samarkand: ICAS, TAD, 2011 (in Russian)].

Кюгельген А., фон. *Легитимация среднеазиатской династии мангытов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.)* Алматы: Дайк-пресс, 2004 [Kugelgen, A. von. *Legitimation of the Central Asian Dynasty of the Mangyts in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries).* Almaty: Daik-Press, 2004 (in Russian)].

Муджани С.А. *Хроника Неджда. Правление Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба и установление династии Сауда в Неджде и Хиджазе в османских архивных документах.* Пер. с перс. В.О. Кокликова; научн. ред. А.Д. Васильев. М.: ООО «Садра», 2020 [Mujani S.A. *Chronicle of Najd. The reign of Muhammad ibn Abd al-Wahhab and the establishment of the Saud dynasty in Najd and Hijaz in Ottoman archival documents.* Transl. from pers. V. Koklikov; scientific. ed. A. Vasilyev. Moscow: ООО “Sadra”, 2020 (in Russian)].

Ряжев А.С. *Мираж религиозной войны: обстановка на юго-востоке Российской империи в оценках пограничных властей (конец 1780–начало 1790-х гг.)* [Ryazhev A.S. *The Mirage of a Religious War: the Situation in the South-East of the Russian Empire in the Estimates of the Border Authorities (late 1780–early 1790s).* (in Russian)] <https://foreignasia.ru/nauchnye-trudy-po-teme-tsentralnaja-azija-v-mezhdunarodnyh-otnoshenijah/stat-i-2020/mirazh-religioznoj-vojny-obstanovka-na-yugo-vostoke-rossijskoj-imperii-v-otsenках-pogranichnykh-vlastej-konets-1780-nachalo-1790-kh-gg> (дата обращения: 08.05.2021)

Халфин Н.А. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)* М.: Наука, 1984 [Khalfin N.A. *Russia and the Khanates of Central Asia (First Half of the 19th Century).* Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Andican A.A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi.* İstanbul: Farklı Yayımevi, 2003 [Andican A.A. *The External Turkestan Struggle from Jadidism to Independence.* İstanbul: Farklı Yayımevi, 2003 (in Turkish)].

Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri (XVI.–XX. Yüzyıllar). Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2004 [*Ottoman-Turkistan Relations in Documents.* Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2004 (in Turkish)].

BOA, A.DVN. NMH., 10/346.

BOA, HAT, dosya 170, belge 7280.

BOA, HAT, dosya 175, belge 7616.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36546.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36551.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36551.

- BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36552.
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36581-A.
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36581-B
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36582.
 BOA, HAT, dosya 782, gömlek 36608.
 BOA, HAT, dosya 961, gömlek 41191.
 BOA, HAT, dosya 1274, gömlek 49436.
 BOA, HAT, dosya 1417, gömlek 57968.
 BOA, Name-i Hümayün, defter 10, s.288.
 Gibb H.A.R. Lütfi Paşa on Ottoman Caliphate. *Oriens*, XV (Dec. 31, 1962). Pp. 287–295.
 Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım hanlıkları arasındaki münasebetlere dair arşiv belgeleri. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1992 [*Archival Documents on the Relations between the Ottoman Empire and the Caucasus, Turkestan and Crimean Khanates*. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1992 (in Turkish)].
 Osmanlı belgelerinde Cezayir. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2010 [*Algeria in Ottoman Documents*. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2010 (in Turkish)].
 Özmi A. *Pan-islamizm. Osmanlı Devleti, Hindistan Müslümanları ve İngiltere (1877–1924)*. Ankara: İSAM, 1977 [Özmi A. *Pan-Islamism. Ottoman Empire, Indian Muslims and the United Kingdom (1877–1924)*. Ankara: İSAM, 1977 (in Turkish)].
 Saray M. *Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994 [Saray M. *Political Relations between the Ottoman Empire and the Turkestan Khanates during the Russian Occupation Period (1775–1875)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994 (in Turkish)].
 Saray M. *The Russian, British, Chinese and Ottoman Rivalry in Turkestan: Four Studies on the History of Central Asia*. Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 2003.
 Shukla R.L. *Britain, India and the Turkish Empire. 1853–1882*. New Delhi: People's Publishing House, 1973.
 Süreyya M. *Sicill-i Osmani. Osmanlı ünlüleri*. Cilt 5. İstanbul: Numune matbaacılık, 1996 [Süreyya M. *Ottoman Registers. Famous People*. Vol. 5. İstanbul: Numune matbaacılık, 1996 (in Turkish)].
 Uzundal E. *Osmanlı İlmiye Teşkilatından Bir Portre: Şeyhülislam Halil Efendi ve Terekesi*. *International Journal of History*. Vol. 10. Issue 8, November 2018. Pp. 178–196 [Uzundal E. *A Portrait from the Ottoman İlmiye Organization: Şeyhülislam Halil Efendi and His Inheritance*. *International Journal of History*. Vol. 10. Issue 8, November 2018. Pp. 178–196 (in Turkish)].
 Türkler. Cilt 9. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002 [*The Turks*. Vol. 9. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002 (in Turkish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, директор Международного российско-турецкого центра РГГУ, Москва, Россия.

Alexander D. VASILYEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Central Eurasia Research Center of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Russian-Turkish Center of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.

А.Д. Васильев

Миссия Ирназара Максютова
в Россию и Стамбул в 1779 г.
и русско-турецко-бухарские отношения
в середине 70 – начале 80-х гг. XVIII в.

A.D. Vasiliev

The mission of Irnazar Maksyutov
to Russia and Istanbul in 1779
and the Russian – Turkish – Bukhara relations
in the middle of 70 – the beginnings of 80
of the 18th century

Аннотация

В статье рассматривается малоизвестный эпизод из истории русско-бухарских отношений. Две последовательно выполненные бухарским посланником И. Максютовым миссии в Россию в 1774 и 1779 гг. и его миссия в Стамбул в 1780 г. мало известны исследователям. Однако они представляют собой интересный пример поисков решения торговых и дипломатических задач, которые стояли перед российской и бухарской политическими элитами в последней четверти XVIII в. Интересным образом миссия И. Максютова отвечала и результатам интеллектуальных поисков европейских просветителей, для которых Центральная Азия была в этот период практически неизвестна.

Ключевые слова: Российская внешняя политика в XVIII в., Бухара, Османская империя, история торговли, история дипломатии

Abstract

The article examines a little-known episode from the history of Russian-Bukhara relations. Two consecutive missions to Russia by Bukharar envoy Irnazar Maksyutov in 1774 and 1779s and his mission to Istanbul in 1780 are little known to researchers. However, they represent an interesting attempt to deal those trade and diplomatic challenges, which faced the Russian and Bukhara political elites in the last quarter of the 18th century. In an interesting way, the mission of I. Maksyutov also met the results of the intellectual searches of European enlighteners, for whom Central Asia was practically unknown during this period.

Keywords: Russian Foreign policy in 18th century, Bukhara, Ottoman Empire, history of trade, history of diplomacy

Русско-турецкие и русско-бухарские торгово-дипломатические связи XVIII в. не раз становились предметом исследования¹. Однако трехсторонние контакты бухарских правителей, стамбульской политической элиты и российского правительства малоизвестны и представляют определенный интерес. В данной статье речь пойдет о деятельности в России и Турции бухарского муллы Ирназара Максютова, который выполнял торгово-дипломатические поручения бухарского правящего класса в Российской и Османской империях в середине 1770 – начале 1780-х гг.

Примечательно, что все заинтересованные стороны треугольника Россия–Турция–Бухарский эмират преследовали собственные политические и экономические интересы.

В результате Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Османская империя потерпела поражение. По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора Крымское ханство и находившиеся в политической зависимости от него тюркские народы Причерноморья стали независимыми от Османской империи. Согласно артикулу 3 договора, султан как халиф сохранял религиозный авторитет среди мусульманского населения Крымского ханства и его периферии². Таким образом, впервые в европейской дипломатической практике признавался статус султана как халифа³, что впоследствии дало османскому кабинету возможность в своих отношениях с мусульманами Центральной Азии трактовать данный случай расширительно. Несмотря на заключение мира, Крым стал ареной геополитического противостояния между Россией и Османской империей. На территории полуострова шла активная междоусобная борьба за престол между пользовавшимся османской военно-политической поддержкой Девлет Гиреем IV и пророссийским претендентом Шахин Гиреем⁴.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира для передачи императрице Екатерине II (1762–1796) писем Абдулхамида I (1773–1789), великого визиря, скрепленного печатями экземпляра договора и султанских подарков в Россию был отправлен османский посланник Абдулкерим-паша. Его встреча с императрицей произошла 21 октября 1775 г. в Москве, где посланник в ожидании официального ответа российских властей находился до февраля 1776 г.⁵ По данным российских документов, находясь в Москве, Абдулкерим-паша жил в одном доме с находившимся в то время в России по торговым делам бухарским посланником Муллою Ирназаром. Оба они встречались и вели беседы, а Абдулкерим-

паша разъяснял И. Максютову содержание и смысл статей Кючук-Кайнарджийского мирного договора⁶.

Из турецких документов видно, что во время общения с турецким посланником Ирназар сообщил ему о невозможности для бухарских купцов и паломников проезжать через Астрахань далее на запад⁷. В том же 1776 г. в Стамбул отправился доверенный человек Ирназара Максютובה, бухарец по имени Мухаммед Беди. Точной даты его приезда не сохранилось, но вполне возможно, что он прибыл вместе с Абдулкерим-пашой либо по договоренности с ним И. Максютובה. В Стамбуле, согласно принятому османскому протоколу, у него могла состояться встреча с главой османского дипломатического протокола реисулькюттабом, в обязанности которого входил опрос иностранных послов и представителей, прибывавших к султанскому двору⁸. По всей видимости, из переданной Абдулкерим-пашой и Мухаммедом Беди информации османы смогли получить представление о состоянии русско-бухарских отношений. В свете борьбы за Крым, которая разворачивалась в 1776–1777 гг., османский кабинет попытался воспользоваться разногласиями России и Бухарского ханства, чтобы прозондировать возможность создания антироссийского союза с Бухарой. Известно, что Мухаммед Беди в 1776 г. увез султанское письмо для бухарского эмира. В письме говорилось о том, что уровень двусторонних отношений снизился за последние 250 лет, уже нет такого единства среди мусульман. Однако перед лицом российской угрозы османское руководство предлагало бухарскому хану заставить кочевые киргизские и казахские племена на границе с Россией организовать набеги на пограничные российские области. Кроме того, султан призывал бухарских улемов молиться за успех османов⁹. Подобная попытка была вполне традиционной для османской дипломатии и учитывала исторический опыт османских отношений с Центральной Азией в XVI–XVII вв. Именно XVI в. стал апогеем военно-политического сотрудничества династий Османов и Шейбанидов в борьбе с Сефевидским Ираном, угрожавшим османским владениям в Анатолии¹⁰. В 70-х гг. XVIII в. возвращение к идее подобного союза вновь стало актуальным для османской политической элиты. Она вполне укладывалась в рамки той политико-дипломатической борьбы с Россией, которую проводили османские дипломаты по всему фронту российско-турецких отношений в тот момент. Чтобы склонить европейскую дипломатию на свою сторону, османский кабинет вручил европейским посланникам в Стамбуле специальное уведомление (*беяннаме*), в котором говорилось о военных приготовлениях в Османской империи исключительно в ответ на агрессивные действия России в Крыму¹¹. В то же время османские власти начали укреплять свое

влияние на северо-западном Кавказе. Территориальные потери в Крыму и Причерноморье привели к тому, что Черкесия стала занимать основное место во внешней политике Османской империи в указанный период¹². Дагестан и Чечня в последней четверти XVIII в. также стали местом столкновения российских и османских интересов в связи с восстанием поддерживавшегося османским правительством шейха Мансура¹³. Влияние шейха Мансура было достаточно велико и распространялось за пределы региона. В частности, группы его приверженцев существовали в Крыму¹⁴. Опосредованное влияние шейха Мансура и Турции российские официальные лица видели и в росте напряженности на границе с кочевым населением степей Центральной Азии. Уфимский наместник А.А. фон Пеутлинг на основе рапортов состоявшего на русской службе мусульманского духовенства оценивал политическую ситуацию на границах казахских кочевий Младшего жуза как угрожающую. По его мнению, связанные с шейхом Мансуром османские эмиссары вели пропаганду религиозной войны против русских и поощряли местное население к мятежу¹⁵. Именно религиозно-политический фактор борьбы за влияние в Крыму и отчасти на Кавказе и стал определяющим для османского кабинета в развитии политических связей с Бухарой.

В XVIII в. Центральная Азия переживала тяжелый кризис, вызванный вторжениями кочевников с севера (калмыков и казахов), упадком династии Аштарханидов и междоусобными войнами. Регион переживал экономический упадок, важной причиной которого был слом традиционных караванных путей в связи с развитием морской торговли, полностью сконцентрированной в руках европейцев¹⁶. К началу XVIII в. бухарские торговцы весьма активно вели торговлю в Иране, Афганистане, Западном Китае, Сибири, России. Однако конкуренция со стороны морской торговли привела к постепенному изменению традиционных приоритетов во внешней торговле. Вместо маршрута «Восток-Запад», включавшего Центральную Азию как важное звено Великого шелкового пути, все более выгодным и приоритетным становился маршрут «Север-Юг», соединявший рынок Бухарского ханства с рынками России¹⁷. Укрепление центральной власти в Бухаре в правление Абулгази при аталычестве (регентстве) Даниял-бия (1758–1785) способствовало началу преодоления социально-политического кризиса¹⁸. В этих условиях первая миссия Ирназара Максютובה в Россию, преследовавшая одновременно торговые и дипломатические цели, по всей видимости, была официально санкционированной бухарской политической элитой попыткой улучшить тяжелое экономическое положение ханства, установив торгово-политические отношения с Россией.

И. Максютов прибыл в Россию через Астрахань в 1774 г. с просьбой возместить убытки бухарских торговцев, пострадавших от грабежей сторонников Е. Пугачева и кочевников-киргизов¹⁹. Посол привез с собой товаров на 9 тыс. руб. и должен был уплатить пошлину в 2 тыс. руб. Однако ему удалось убедить русские власти, что данные товары предназначены для нужд посольства, и пошлина была ему «упущена»²⁰. Российское правительство отнеслось к послу благосклонно, и хотя просьба о компенсации за разграбление караванов была отклонена, он был «обласкан и осыпан милостями»: купцу взамен было разрешено торговать без уплаты торговых пошлин на Каспии в течение пяти лет²¹. Перед возвращением в Бухару И. Максютов также получил богатые подарки и 4 тысячи серебряных рублей на строительство «училища» в Бухаре²². Кроме того, в его распоряжение был передан корабль для торговли на Каспии²³. Участник миссии А.Ф. Негри в Бухару в 1820 г. коллежский ассессор Яковлев объяснял подобные шаги желанием бухарских торговых кругов сместить караванный путь через опасные казахские степи на запад, в сторону полуострова Мангышлак. Хотя, вероятно, такое желание могло иметь место и с российской стороны – фактории на берегу Мангышлака планировал построить еще Петр I²⁴. По мнению упомянутого Яковлева, еще одной целью подобного шага со стороны И. Максютова было «отвлечь» торговлю от границ с Россией и ослабить торгово-экономическое значение оренбургского торгога²⁵. Это стремление бухарцев объяснялось протекционистским характером тогдашнего российского торгового законодательства, согласно которому азиатские торговцы обязаны были распродать весь свой товар в Оренбурге, а на богатые рынки Москвы и Петербурга пропускались только для продажи золота и серебра. Однако на послов подобные меры не распространялись²⁶.

По всей видимости, узнав о заключении мира между Россией и Турцией, И. Максютов предпринял попытку возобновить один из традиционных маршрутов бухарской торговли на запад, через Астрахань и южнорусские степи в Крым и затем в Стамбул. Наличие в распоряжении И. Максютова корабля на Каспийском море открывало для него гипотетическую возможность торговли с богатыми провинциями Азербайджана и северного Ирана. Выше уже говорилось о просьбе И. Максютова к российским властям пропустить через Астрахань паломников в Мекку, которые, по мнению российских властей, одновременно являлись и торговцами, обеспечивая свое благосостояние продажей товаров во время «пелеринажа»²⁷. Таким образом, для бухарской элиты в период непростых русско-турецких отношений появлялась возможность возобновления традиционного западного торгового маршрута, проникновения на турецкий рынок и частичного обхода российских торговых ограни-

чений. Вместе с тем документы из российских архивов свидетельствуют, что расположение российского правительства к бухарскому посланнику, вероятно, было неслучайным. В АВПРИ сохранилось весьма интересное описание следующей миссии И. Максютова в Россию и Османскую империю в 1779 г., которое свидетельствует о том, что российское правительство рассматривало возможность открыть выгодную торговлю с Индией через Бухару, воспользовавшись религиозным авторитетом султана.

По всей видимости, отправившийся из Стамбула в 1776 г. бухарец Мухаммед Беди благополучно доставил послание султана бухарскому хану. Учитывая традиционные сроки, в которые посольства из Центральной Азии достигали Стамбула, можно предположить, что уже к 1778 г. М. Беди мог вернуться в Бухару. Однако заявленный в письме призыв вести религиозную пропаганду среди кочевого казахского населения дальнейшего развития в конце 1770-х гг. не получил. Купеческие караваны, следовавшие из городов Бухарского ханства, постоянно подвергались опасности нападения кочевников. Активная религиозная пропаганда, направленная на подъем антироссийского движения, была не в интересах бухарского купечества и связанной с ним административной элиты ханства. Вероятно, тесные торговые связи Бухары с Россией не способствовали каким-либо враждебным действиям против нее. Уже в августе 1779 г. в Россию прибыло второе посольство И. Максютова. Он прибыл в Троицкую крепость 10 августа 1779 г. в сопровождении свиты из 28 человек и сына Мухаммеда Шарипа (в российских документах указывалось, что он – «тысячи начальник»). Для императорского двора он привез «8 аргамаков и разные вещи». Оренбургскому генерал-губернатору И.А. Рейнсдорпу посланником было передано письмо от «главного министра» Бухары Даниял-аталыка на персидском языке, в котором говорилось, что И. Максютов был отправлен в качестве «великого посла» к российскому и турецкому дворам²⁸. Фактическая власть в Бухаре принадлежала Даниял-аталыку. Поэтому неудивительно, что все рекомендательные письма были составлены за его подписью. Титул «Великого посла», упомянутый в документе, также свидетельствовал о высоком уровне миссии и характере ее политических задач.

В письме бухарского сановника подчеркивался равнозначный характер миссии к султану и императрице. Сообщалось также, что два курьера были направлены через Каспий и Персию, чтобы уведомить султана о том, что посланник проследует через Россию²⁹.

Отдельные рекомендательные письма почти одинакового содержания также были направлены Г.А. Потемкину и Н.И. Панину.

В них И. Максютов после обильных комплиментов сообщал, что бухарский хан, по получении через нарочного курьера письма из Царьграда, принимая во внимание его прошлые заслуги и опыт, а также его звание бия, велел исполнить посольскую миссию сначала в Санкт-Петербург, а затем в Стамбул. Далее И. Максютов сообщал, что желал донести до Его Величества некоторые обстоятельства, которых он не мог изложить в письме. И. Максютов приносил в дар Потемкину и Панину дорогих аргамаков и просил о протекции перед Императрицей³⁰. Интересно, что к моменту появления бухарского посольства в 1779 г. Н.И. Панин возглавлял Коллегию иностранных дел, в прямые обязанности которой входило формирование российской внешней политики. Г.А. Потемкин же был, во-первых, фаворитом Екатерины II, пользовавшимся доверием и способным оказывать влияние на принятие политических решений. Кроме того, Г.А. Потемкин был губернатором недавно образованного Новороссийского края и вырабатывал политические решения касательно южных границ России и отчасти – отношений с Турцией. К концу 1770-х гг. Потемкин был одним из наиболее влиятельных лиц Российской империи³¹.

Впрочем, сама миссия И. Максютова и возможные контакты с султаном были восприняты весьма настороженно. В связи с прибытием посла И.А. Рейнсдорпу был направлен особый рескрипт, согласно которому особой надобности в отправлении в Россию бухарской миссии в тот момент не имелось, а сам посол не так недавно посещал Россию. Высказывалось предположение, что И. Максютов был лично заинтересован в прибытии в Россию для извлечения коммерческих выгод. Выражалось и недоумение в связи с инициативой турок восстановить связи с Бухарой. Поэтому И.А. Рейнсдорпу предписывалось посла пропустить в Санкт-Петербург, но показать тому, что доброе к нему отношение всецело зависит от милости императрицы Екатерины³². После длительной переписки оренбургскому генерал-губернатору все же было приказано организовать снабжение посольства во время проезда в Петербург. Однако ему рекомендовалось быть непреклонным и «пресекать корыстолюбие мнимого посла», а также строго оценить привезенный И. Максютовым товар и взыскать торговую пошлину, если необходимо³³.

Поскольку приезд бухарского посольства совпадал по времени с прибытием депутации от крымских татар, которые желали изъяснить императрице благодарность за успешное разрешение конфликта с Портой, Н.И. Панин распорядился поселить обе делегации в одном доме на 13-й линии Васильевского острова, где и ранее содержались крымские посольства. Однако крымскую депутацию и членов бухарского посольства было указано поселить на среднем

и верхнем этажах соответственно, чтобы они не мешали друг другу, но так, чтобы показать приоритет «крымских дел»³⁴.

В начале января посол прибыл в Санкт-Петербург, а 21 января 1780 г. нанес первый свой визит к Потемкину, передав ему письмо от бухарского хана. 2 февраля И. Максютов был на аудиенции у императрицы Екатерины II. Несмотря на присланных им ко двору Екатерины аргамаков, она не приняла его подарков, поскольку «оны не присланы с ним от его хана, но собственное его есть стяжание»³⁵. 12 февраля И. Максютов провел переговоры с Н.И. Паниным. Однако из-за болезни последнего Коллегию иностранных дел представлял И.А. Остерман³⁶.

В результате переговоров с И. Максютовым видными руководителем Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным и членом коллегии И.А. Остерманом (который вскоре станет президентом Коллегии) было составлено весьма интересное «мнение», рассматривавшее возможные причины и последствия дипломатической миссии И. Максютова в Стамбул для России³⁷. Коллегия иностранных дел докладывала, что задача бухарского посла состояла, во-первых, в закупке значительного количества меди для хана; во-вторых, в решении вопроса о безопасности торговли между Россией и Бухарой, в-третьих, в осуществлении дипломатической миссии в Константинополь через российскую территорию, пользуясь покровительством и поддержкой правительства Екатерины.

Коллегия сообщала в своем «мнении», что до начала правления Екатерины правительство пыталось воспрепятствовать контактам мусульман (как подданных империи, так и жителей Центральной Азии) с «Крымом, Кубанью и Портой», поскольку чиновники опасались возможности формирования антироссийского альянса. При этом отмечалось, что такая политика не всегда была эффективна, и, несмотря на пограничный контроль, все же в Крымское ханство и в Стамбул прибывали «посланники» с жалобами на действия России. Однако в документе подчеркивалось, что российские мусульмане продемонстрировали лояльность верховной власти, а текущее состояние дел в империи в правление Екатерины позволяло полностью исключить возможность восстания всех российских мусульман ради защиты Крыма или поддержки Османской империи. Интересно, что, по мнению членов Коллегии, Российская империя могла бы извлечь пользу из таких контактов населения Центральной Азии и Порты³⁸.

Российские власти были весьма осведомлены о действиях бухарского посланника в России. Так, указанный в письме бухарского хана предлог «чтоб от своего владетеля и всего общества воздать в лице императора Оттоманского Первосвященного или Калифу магометанского закона почтение»³⁹, виделся авторам «мне-

ния» ложным и не соответствовавшим реальному положению дел в мусульманском мире⁴⁰. По их мнению, текст письма был составлен под влиянием бесед И. Максютова с турецким послом в Москве в 1775 г., который рассказал бухарцу об условиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора⁴¹.

Члены коллегии полагали, что главной целью бухарского посла было открытие древнего торгового пути через Астрахань в Крым и далее в Османскую империю для торговцев и паломников. Впрочем, авторы «мнения» не разделяли их друг от друга, считая, что и паломники также используют «пелеринаж» для торговли. Подводя итог своим размышлениям об истинной цели приезда И. Максютова, Н.И. Панин и И.А. Остерман предлагали Екатерине II воспользоваться тем моральным авторитетом, который давал турецкому султану статус халифа, чтобы возобновить караванный путь из «Восточной Индии» и «всей обильной Азии» в Европу через Причерноморье. Императрице рекомендовалось разрешить И. Максютову проезд «к Порте», поскольку возможное возобновление торговли Центральной Азии с Османской империей через Астрахань расширяло бы для России возможность участия в международной торговле⁴².

Подобные попытки осмыслить новое международное положение, возникшее в результате успешной экспансии России на юг при Екатерине II, были достаточно распространены среди европейских интеллектуалов того времени. Проекты использования Крыма и Причерноморья как звена в международной торговле, способной связать европейские державы и их колонии с Россией, Центральной Азией и Кавказом, были хорошо известны российским администраторам и императрице⁴³. Подобной логикой руководствовались и авторы данного «мнения».

И. Максютову было разрешено отправиться в Османскую империю и оказана поддержка русского правительства в пути. 13 октября 1780 г. посол прибыл в Херсон, откуда 19 октября отбыл в Константинополь на греческом судне⁴⁴. Важным результатом его переговоров в российской столице стало разрешение бухарским подданным проезжать в хадж через Астрахань⁴⁵.

По утверждению турецких историков, русский посол в Константинополе пытался выступить посредником между бухарским и крымским посланниками и Портой, но ему было отказано в этом праве⁴⁶.

Документы из российских архивов, однако, не подтверждают посредничества России в бухарско-османских отношениях. Тогдашнему российскому «полномочному министру» (т. е. послу) в Константинополе А.С. Стахиеву в связи с миссией И. Максютова была дана особая инструкция. Сообщалось, как необходимо вести

себя с бухарским послом в османской столице, и передавались основные положения указанного выше «мнения» Коллегии иностранных дел. Рекомендовалось принимать его «ласково», но никакие договоренности до получения особых указаний из Петербурга не заключать, «не подкреплять его поступки при Порте и делам его не содействовать». В случае запроса от османского правительства, готова ли Россия предоставить право проезда паломникам из Центральной Азии, посол обязан был сразу же доносить об этом в Петербург и давать Порте общие заверения в расположении двора к развитию дружеских отношений⁴⁷. Однако сведений о таких запросах Порты нами в АВПРИ обнаружено не было.

В конце 1780 г. А.С. Стахиев отправил в Коллегию иностранных дел и рапорт о деятельности посла в Константинополе. По его словам, посол прибыл в Константинополь в конце октября, а 9 ноября был представлен великому визирию. А.С. Стахиев подробно описал обмен подарками султана и бухарского хана, а также процедуру награждения членов посольства султанскими дарами. Так, на самого посла и двух улемов при нем были надеты беличьи шубы, а на всю прочую свиту было выдано 10 кафтанов. 10 ноября И. Максютлов прислал свои подарки: для великого визирия саблю, украшенную драгоценными камнями, десять «пакетов» с кисеями и индийскими шелковыми и шерстяными тканями и ремень, а для других членов османского двора чайные сервизы, индийские ткани и ремень. И. Максютлов добивался и встречи с самим А.С. Стахиевым через одного из «константинопольских армян». А.С. Стахиев под благовидным предлогом предложил встречу перенести и ответа не получил⁴⁸.

А.С. Стахиев сообщал, что бухарский посол просил Порту оказать помощь паломникам из Центральной Азии, отправлявшимся в хадж в Мекку через Басру. По полученным им от драгомана при султанском дворе сведениям, И. Максютлов хотел добиться организации «беспосредственной торговой связи с оными областями». А в поданных им великому визирию письмах бухарский хан жаловался на «идолопоклонников»-калмыков, совершавших набеги на ханство⁴⁹. В XVII–XVIII вв. калмыки регулярно совершали набеги на территорию Бухары и Хивы. Учитывая, что в 1771 г., началась откочевка части калмыцких родов обратно в Джунгарию, жалобы бухарских правителей на калмыков представляются весьма вероятными.

О внимании российских властей к деятельности И. Максютлова свидетельствует и то, что сменивший в 1781 г. А.С. Стахиева на должности посланника в Константинополе Я.И. Булгаков продолжал следить за его передвижениями в Турции. Я.И. Булгаков сообщил, что бухарский посланник, отправившись в паломни-

чество в Мекку, умер в районе Кони. А его сына и свиту Порты решила отправить в Мекку за счет казны. В 1783 г. сын И. Максютובה Мухаммед Шарип вернулся из Мекки в Россию с рекомендательным письмом великого визиря, который просил помочь ему в возвращении на родину, что и было выполнено⁵⁰.

Отголоском миссии И. Максютובה в Российскую и Османскую империи стало и малоизвестное посольство в Бухару в 1781 г. переводчика и коллежского регистратора Мендияра Бекчурина. М. Бекчурин в 1781 г. по указу Екатерины II был направлен послом к бухарскому хану с рекомендательными письмами от Н.И. Панина и оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа. Цель его поездки заключалась в сборе военных и политических сведений о Бухаре, хотя бухарские торговцы в ходе переговоров затрагивали и торговые проблемы – просили российские власти разрешить торговлю в пределах России. Основной задачей М. Бекчурина, однако, оставался сбор политической информации и дипломатический зондаж. Он пытался выяснить, почему И. Максютובה отправился в Османскую империю через Россию, а не через Иран, и каковы его цели в Турции⁵¹. Подобные цели миссии свидетельствовали о недоверии российских властей к И. Максютобу. А потенциал Бухарского ханства оценивался не только с точки зрения торговых выгод, но и потенциальных угроз российским интересам в Центральной Азии. Вероятно, что и сама постановка целей миссии свидетельствовала о том, что российская политическая элита весьма скептически относилась к проектам использования Причерноморья и Прикаспия в международной торговле, хотя и не отказывалось от него окончательно. Миссия М. Бекчурина малоизвестна исследователям, и ее еще предстоит описать.

История дипломатической деятельности И. Максютובה весьма интересна в контексте межрегиональных связей последней четверти XVIII в. Она показывает, что интерес различных глобальных и региональных акторов к использованию географического положения для достижения собственных политических и торгово-дипломатических целей существенно усилился одновременно с продвижением России на юг. Свое влияние оказала и эпоха Просвещения, оказывавшая воздействие на интеллектуальные поиски и выработку сложных политических решений российскими дипломатами. Пример миссий И. Максютובה и отношения российской и османской политических элит к связям с Бухарским ханством показывает, насколько сложным и причудливым может быть переплетение торговых, дипломатических, политических, государственных и частных интересов в евразийском регионе.

Примечания

- ¹ Русско-бухарские торговые связи в XVIII в. (за исключением миссии И. Максимова) были весьма детально рассмотрены Г.А. Михалевой: *Михалева Г.А.* Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1982. Также см.: *Dale St.F.* Indian merchants and Eurasian trade: 1600–1750. 2nd ed., Cambridge, 2002; *Janzen G.* Land Routes to India: Trade in Central Asia and the Context between Routes and Global Powers. Leipzig, 2014. О торговых связях с Турцией см., например: *Дружинина Е.И.* Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море (1774–1782) // Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память академика Евгения Викторовича Тарле. Изд-во АН СССР, 1957. С. 87–105; *Шеремет В.И.* К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2: Посвящается семидесятилетию д-ра ист. наук профессора Ильи Павловича Петрушевского. Л.: Ленингр. ун-т, 1968. С. 136–147; и др.
- ² *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком: Политические и торговые. СПб., Тип. О.И. Бакста, 1869. С. 48.
- ³ *Бартольд В.В.* Халиф и султан. Сочинения. М.: Наука, 1966, Т. 6. С. 15–78.
- ⁴ *Андреев А.Р.* История Крыма. М.: Белый волк, 2002. С. 229–238.
- ⁵ *Köse O.* Küçük Kaynarca Andlaşması. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2006. P. 125–127.
- ⁶ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 92.
- ⁷ *Andican A.* Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul: Doğan Kitap, 2009. P. 193–194.
- ⁸ История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1 / Под ред. Э. Ихсаноглу. М.: Вост. лит., 2006. С. 137–140.
- ⁹ BOA. Name-i Hümayun defteri. Nr. 9. S. 78.
- ¹⁰ Однако претензии Шейбанидов на «тимуридское наследство» стали причиной охлаждения связей и распада союза. См.: *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха: Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX в.). М.: Пробел-2000, 2014. С. 61–85; *Burton A.* The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History: 1550–1702. Richmond: Curzon Press, 1997. P. 65.
- ¹¹ *Köse O.* Küçük Kaynarca Andlaşması. Ankara, 2006. P. 280–281.
- ¹² *Чеучева А.К.* Северо-западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Майкоп: ООО «Качество», 2007. С. 50.
- ¹³ *Köse O.* Ibid. S. 307–313.
- ¹⁴ *Конкин Д.В.* Шейх Мансур и его последователи в Крыму // Исторические, культурные, межнациональные религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 2. М.: ИВ РАН, 2020. С. 134–138.
- ¹⁵ См.: *Ряжев А.С.* Мираж религиозной войны: обстановка на юго-востоке Российской империи в оценках пограничных властей (конец 1780 – начало 1790-х гг.)

- [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignasia.ru/nauchnye-trudy-po-teme-tsentrlnaja-azija-v-mezhdunarodnyh-otnoshenijah/stat-i-2020/mirazh-religioznoj-vojny-obstanovka-na-yugo-vostoke-rossijskoj-imperii-v-otsenakh-pogranichnykh-vlastej-konets-1780-nachalo-1790-kh-gg> (дата обращения 14.12.2020).
- ¹⁶ История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. С. 114–115.
- ¹⁷ См.: *Burton A.* The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History: 1550–1702. P. 390–391.
- ¹⁸ История народов Узбекистана. Т. 2. С. 121–123.
- ¹⁹ Об этом см.: *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 84–85.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 23–23об.
- ²¹ *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 88.
- ²² *Шубинский П.П.* Бухарские посольства при дворе Екатерины II // Исторический вестник. 1897. Т. 2 (67). С. 518–539.
- ²³ *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 89.
- ²⁴ О попытке построить укрепление в Красноводском заливе см., например: ЦГАВМФ. Ф. 233. Д. 169. Л. 206–207.
- ²⁵ *Яковлев.* Мулла Ирназар Максютов, посланник бухарский // Сибирский вестник. Ч. 1. 1824. С. 8–9.
- ²⁶ *Михалева Г.А.* Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент: Фан, 1982. С. 38–39.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 90–91об.
- ²⁸ Там же. Л. 1: Дело озаглавлено «Второе посольство мутлы Ирназара Максютובה от Бухарского хана Богадура».
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ Там же. Л. 8–13.
- ³¹ Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 24а. СПб., 1898. С. 728–730.
- ³² АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 20–22об.
- ³³ Там же. Л. 24–24об.
- ³⁴ Там же. Л. 26–27об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 72–76.
- ³⁷ Там же. Л. 89–94.
- ³⁸ Там же. Л. 90–91об.
- ³⁹ Перевод рекомендательного письма хана Абулгази с просьбой пропустить И. Максютובה в Стамбул приведен в этом же деле (АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 88об. – 89).
- ⁴⁰ В мусульманском мире существовали различные взгляды на то, кто может считаться претендентом на роль Халифа. См.: *Бартольд В.В.* Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. 6. С. 15–78; см. также: *Васильев А.Д.* Панисламизм и политика Османской империи в Центральной Азии в последней трети XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignasia.ru/nauchnye-trudy-po-teme-tsentrlnaja-azija-v-mezhdunarodnyh-otnoshenijah/stat-i-2020/panislamizm-i-politika-osmanskoj-imperii-v-tsentrlnoj-azii> (дата обращения 15.12.2020).

- ⁴¹ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 92–92об.
- ⁴² Там же. Л. 93–94.
- ⁴³ *Храпунов Н.И.* Через Крым – в Азию: проекты европейских интеллектуалов конца XVIII – начала XIX в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сборник научных трудов / Науч. ред. Д.В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 125–139.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 95–111.
- ⁴⁵ *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴⁶ *Tarih-i Cevdet*. С. 2. S.196, 213–214. См. также: *Andican A.* Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. P. 193–194.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 1: 1779–1786. Л. 116–121.
- ⁴⁸ Там же. Л. 155.
- ⁴⁹ Там же. Л. 156.
- ⁵⁰ Там же. Л. 157–158.
- ⁵¹ *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 89–91.